
К ИСТОРИИ АРМЯНСКИХ КОЛОНИЙ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

А. Л. ЗИНЧЕНКО (Винница)

Изучение истории армянской диаспоры в целом в тот или иной период предполагает конкретное исследование положения армянских общин в отдельных регионах их поселения во всей системе общественных, экономических, культурных, конфессиональных и т. п. связей. Поскольку при феодализме важнейшие стороны жизни общества находились под прямым влиянием церковной организации и религиозной идеологии, а сама церковь, по известному определению Ф. Энгельса, выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции» существующего строя¹, важное значение получает рассмотрение системы конфессиональных отношений армянских общин в совокупности социальных отношений того или иного исторического региона.

Важно отметить, что у некоторых народов в определенный период истории, связанный с утратой государственной независимости, церковь выполняла роль национальной организации, сохраняя при этом элементы государственности. Эту роль нет необходимости преувеличивать, но в то же время неправомерно ее отбрасывать. Определяющим при этом является то, что духовенство в целом выступало как представитель господствующего класса, нередко к тому же и само эксплуатировало крепостных крестьян, т. е. входило в состав правящего класса непосредственно. Противоречивый характер места религии и церкви в процессе развития нации отмечен в исследованиях историков-марксистов², однако он требует дальнейшей разработки.

В разрезе данной статьи следует указать на заметную роль конфессионального сознания в системе национального самосознания и в случаях существования сравнительно небольших общин в инонациональном и иноконфессиональном окружении. В частности, это относится к армянским колониям Правобережной Украины периода средневековья и позднего феодализма. Однако в сложных обстоятельствах экспансии католицизма, осуществлявшейся в Речи Посполитой, армянам была навязана уния с католицизмом, получившая формы армяно-католической церковной организации. Ее место в процессе развития национального самосознания армянских общин значительно отличалось от роли армяно-григорианской церкви. Несмотря на активный полонизаторский натиск католического духовенства по отношению и к армянам и к украинцам (именно полонизация составляла главнейшую задачу унии и в форме греко-униатства, и в форме армяно-католической церкви), армянам на Украине, хотя и с большим трудом, на протяжении длительного времени удавалось сохранить национально-культурные традиции, даже в условиях, когда большинству из них пришлось стать армяно-католиками по исповеданию. Заметим кстати, что в «Советской исторической энциклопедии» отсутствует статья об армяно-католиках, хотя они

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 361.

² Я. В. Минкявичюс. Католицизм и нация. М., 1971, с. 10 и др.

проживали не только на Украине. Такие сведения отсутствуют и в других изданиях.

В целом история армянских общин на территории Украины имеет обширную библиографию, представленную работами армянских, украинских, русских историков, как дореволюционных, так и советских; ряд исследований вышел из-под пера польских и других авторов. Они главным образом посвящены истории армян на Украине до XVIII века включительно. Детальный анализ литературы по этой тематике содержится в новейшей монографии В. Р. Григоряна, посвященной специально подольским армянам³. В этой работе обстоятельно рассматривается развитие армянских общин до XIX века, хотя ряд экскурсов в ней касается и XX века.

Настоящая статья имеет целью рассмотрение некоторых малоизученных вопросов истории армянских колоний на Подолье в XIX веке; главным образом это политические и социальные аспекты функционирования армяно-католической церковной организации в системе классовых, национальных и конфессиональных отношений на Правобережной Украине. Статья написана на основании материалов Центрального гос. исторического архива СССР. В большинстве своем они не опубликованы. Интересные документы по рассматриваемому кругу вопросов содержатся в фондах Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, Римско-католической духовной коллегии. Материалы этих фондов дают возможность изучить особенности политики русского правительства по отношению к армяно-католическому духовенству в контексте его социальных и политических мероприятий в западных губерниях России, а также отношений с римской курией и армянским католиком. В этих же фондах, а особенно в фондах Министерства государственных имуществ, содержатся документы, характеризующие положение крестьян и социальные отношения в имениях армяно-католического духовенства.

Достоверные сведения об армянских колониях в Киеве относятся к XI веку. В. Р. Григорян высказывает предположение, что оттуда армяне перебирались на запад и часть их обосновалась в Подолии⁴. Новые армянские общины возникали в Подолии вплоть до XVIII в. К старейшим из них В. Р. Григорян относит колонии в Каменце-Подольском, Язловце, Малозалесье (Малые Армяне) и Великозалесье (Великие Армяне), возникшие до XV в. В XVI—XVII вв. армяне поселились в Золочеве, Бережанах, Подгайцах, Бучаче, Жванце, Кубачивцах, Дубровице, Студенице, Баре, Умани, к XVIII в. относится возникновение армянских колоний в Сатанове, Могилеве-Подольском, Рашкове, Юзефграде (Балте)⁵. Армянские колонии располагались как на Галицком, так и на Восточном Подолье.

Армянское население на Подолье пережило вместе с украинским народом драматические судьбы этого края. В составе Речи Посполитой армянскому населению, проживавшему на Украине, была навязана уния с католической церковью. Армяне-католики на Подолье, как и на Волыни, подлежали управлению Львовского армяно-католического архиепископа. В трудных условиях полонизаторского давления со стороны господствующего класса и католической церкви Речи Посполитой армян-

³ В. Р. Григорян. История армянских колоний Украины и Польши. (Армяне в Подолии). Ереван, 1980.

⁴ Подробнее об этом см.: В. Р. Григорян. Указ. соч., с. 48—56, 99—100 и др.

⁵ Там же, с. 48—56, 99—100, 117, 157.

ским общинам приходилось вести упорную борьбу за сохранение национальных традиций и самобытной культуры. В этих условиях конфессиональная принадлежность к армяно-католикам со временем закреплялась в национальном сознании украинских армян. С включением Правобережной Украины в 1793—1795 гг. в состав Российской империи подчинение армян-католиков, находившихся во владениях России, Львовскому архиепископу прекратилось. Его духовная власть распространялась лишь на тех армян-католиков, которые по разделам Польши оказались в составе Австрийской империи.

В последней четверти XVIII века армяне-католики проживали также в южных районах России. По «высочайшему» указу 1783 г. все армяне-католики, обитавшие в империи, были подчинены римско-католическому архиепископу. Белорусской католической епархии со времени первого раздела Польши подчинялось все католическое духовенство в империи. Центром ее определялся Могилев-на-Днепре⁶. Общий порядок управления делами католической и униатской церкви устанавливался «Регламентом Петербургской католической церкви», изданным еще 12 февраля 1769 г.⁷ Согласно указу 1783 г. католическому епископу предписывалось открыть духовное училище для армян-католиков и послать клириков для обучения во Львовскую армяно-католическую семинарию⁸. Однако обеспечить открытие семинарии и подготовку армяно-католического духовенства в России оказалось делом не простым. Сложности встретились при посылке семинаристов для обучения во Львов: на пути к этому стоял общий подход правительства к такому кругу дел. Оно с большим подозрением относилось к католическому духовенству, прибывавшему из-за рубежа. Особенно нежелательным считалось сохранять какую бы то ни было юрисдикцию заграничных духовных властей над приходами и духовенством, находящимися в империи. Несколько указов конца XVIII в. запрещали распространять в пределах России папские буллы и вообще любые распоряжения папской курии. Именно ввиду этого правительство подчинило армяно-католические приходы власти римско-католического архиепископа, отказываясь тем самым признать прерогативы армяно-католического архиепископа Львовского.

На практике же управление армяно-католическими приходами со стороны католического духовенства было весьма затруднительным. Это вынуждена была признать даже верхушка католического клира. В 1806 г. католический митрополит С. Сестрэнцевич в отношении, адресованном Министерству внутренних дел, сообщал, что «по различию обрядов и языка» католические епископы встречаются с трудностями «в управлении и рукоположении священников» армяно-католического обряда⁹. Тогда же каменецкий католический епископ Дембовский представил записку митрополиту об армянах-католиках, проживавших на территории его епархии. Он писал, что на Подолье числилось четыре их костела. Однако, согласно каноническим правилам, он не имел права посылать в эти приходы армянских священников и потому должен был отправлять клириков для обучения во Львовскую семинарию¹⁰. Учитывая эти обстоятельства, епископ предложил митрополиту Сестрэнцевичу

⁶ ИСЗ-1, т. XIX, № 14121.

⁷ Там же, т. XVIII, № 13252.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 11, д. 11, л. 38.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, оп. 152, д. 50, л. 4.

ходатайствовать об определении для его епархии епископа-суффрагана армяно-католического обряда. По представлению митрополита «высочайшим» рескриптом от 6 декабря 1806 г. и был определен для Каменецкой епархии епископ-суффраган армяно-католического обряда с позволением ему получить во Львове рукоположение от армяно-католического архиепископа. В этой должности был утвержден каноник Иосиф Криштофович¹¹.

Однако и к такому назначению встретились препятствия. Во-первых, канонические, поскольку армяно-католик не мог быть суффраганом католического епископа. Кроме того, практика назначения епископов во времена Речи Посполитой была связана с назначением им содержания (фундуша) в виде пожалования населенного имения, а такого фундуша у новоопределенного армяно-католического епископа не было¹². Немаловажным обстоятельством было и то, что подольское католическое духовенство опасалось, что ему, возможно, придется выделить часть фундушей Каменецкой епархии для содержания нового епископа-суффрагана армяно-католического исповедания.

Эти обстоятельства стали основанием для нового представления императору со стороны митрополита Сестренцевича. Митрополит подчеркивал, что армяно-католический епископ необходим не только Подолью, но и всем церквам этого исповедания в России¹³. В начале XIX в., кроме Правобережной Украины, армяне-католики проживали в Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Кавказской губерниях и на Закавказье. Армяне-католики вне Правобережной Украины не принадлежали в конце XVIII—начале XIX вв. к какой-либо епархии, а духовные требы для них отправляли миссионеры пропаганды, готовившиеся в Риме, Венеции и в Ливане¹⁴. Видимо, католический митрополит стремился, с одной стороны, усилить позиции католической церкви в России путем увеличения числа католических епархий, а с другой—усилить и свои позиции, поскольку новая епархия находилась бы под непосредственным влиянием митрополита как председателя Римско-католической духовной коллегии.

«Высочайшим» рескриптом от 29 августа 1808 г. на имя государственного казначея вместо следовавшего по каноническим правилам фундуша предписывалось производить из казны упомянутому епископ-суффрагану оклад в размере 3000 рублей в год¹⁵. В результате переписки Римско-католической духовной коллегии со львовским армяно-католическим архиепископом Симоновичем, а последнего—с римским папой (май 1810 г.), И. Криштофович был рукоположен в епископы «с дозволением учреждения для него, если угодно будет правительству, особой кафедры». Новый епископ-суффраган получил титул «епископа Арценского в странах неверных (*in partibus infidelium*)»¹⁶. Окончание титула подчеркивало традиционные миссионерские претензии папского Рима на славянские народы и народы Востока.

¹¹ Там же, л. 4 об.

¹² Там же, л. 4 об.—5.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, оп. 11, д. 11, л. 38.

¹⁵ Там же, оп. 152, д. 50, л. 5—5 об.

¹⁶ Там же. По католическим традициям титулатура «Арценский» не обязательно связывалась с каким-либо городом данной епархии, подобные названия могли быть даже произвольными.

В первые десятилетия XIX в. в Петербурге более или менее последовательно проводилась линия на максимальное ограничение влияния католического духовенства на греко-униатское, а также армяно-католическое. Ввиду этого 16 июля 1805 г. был учрежден 2-й Департамент Римско-католической духовной коллегии, управлявший делами униатов на правах, равных с 1-м Департаментом, решавшим дела католического исповедания, который был до этого единым органом власти для католиков и униатов. 26 июня 1806 г. по тем же соображениям была восстановлена униатская митрополичья кафедра¹⁷, а в феврале 1809 г. количество униатских епископств было увеличено до четырех в связи с созданием отдельной Литовской митрополичьей епархии¹⁸. Непрекращавшиеся жалобы униатского духовенства на всякого рода притеснения со стороны католического клира, в том числе на многочисленные случаи переманивания верующих из униатства в католицизм, вызвали ряд правительственных мер, пресекавших подобные поползновения католического духовенства¹⁹. В начале века были продолжены меры, направленные на сближение униатской церкви с православной.

Создание отдельного армяно-католического епископства, вне сомнения, лежит в русле этой политики: оно ослабляло возможности увеличения католической паствы в России за счет армяно-католиков и делало бесперспективным дальнейшее пребывание при армяно-католических приходах Таврии, Северного Кавказа и Закавказья иезуитов и миссионеров, готовившихся под руководством римской курии. Именным указом Сенату от 7 ноября 1810 г. «О бытии армяно-католическому епископу Криштофовичу епархиальным епископом всех в России живущих армян римско-католического исповедания» и было учреждено новое епископство. Новая кафедра располагалась на Подолье—ее центром определялся Могилев-на-Днестре. Армяно-католический епископ, согласно указу, «наравне с прочими римско-католическими епископами» должен был состоять «в ведомстве римско-католической митрополии в России»²⁰ и, таким образом, подчиняться ведомству Римско-католической духовной коллегии. Со стороны же светской власти центральным органом, который занимался делами армяно-католического духовенства, было Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. На расходы кафедры указ назначал «сверх получаемого им ныне жалованья» (т. е. 3000 руб. в год) еще 1500 руб. При ней предполагалось содержать также шесть армяно-католических каноников «для архиерейского служения в церкви и для помощи по духовным делам»²¹. Вскоре новый епископ получил к тому же земский фундуш—с. Криштофовку в Могилевском уезде на Подолье с 18-ю ревизскими душами²².

Католическое духовенство Подолья отнеслось настороженно к основанию армяно-католического епископства. Осенью 1810 г. каменецкий католический епископ Мацкевич направил в адрес министра на-

¹⁷ ПСЗ-1, т. XXVIII, № 21836.

¹⁸ ПСЗ-1, т. XXX, № 23482. С 1798 г. в России существовали три греко-униатских епископства: Полоцкое, Брестское и Луцкое.

¹⁹ ПСЗ-1, т. XXVII, № 20748, 20749, 20837, 20838; т. XXVIII, № 21393 и др.

²⁰ ПСЗ-1, т. XXXI, № 24409.

²¹ Там же.

²² В документах встречаются и другие написания названия села: Криштоповка и Криштофовка.

родного просвещения, исполнявшего в то время обязанности главного управляющего духовными делами иностранных исповеданий, представление по поводу основания армяно-католического епископства с центром в Могилеве-на-Днестре. Он всячески стремился преувеличить трудности, возникшие при разделении латинского и армянского обрядов епархии. В письме Мацкевича явственно просматривается беспокойство о том, что католическому духовенству придется уступить часть населенных имений и доходов в пользу новоучрежденного епископства. Армянское духовенство, отмечалось в представлении, «ввиду малого количества прихожан и духовных лиц пользовалось фундашами латинских костелов». Стремясь подчеркнуть подчиненное положение армяно-католического духовенства по отношению к католическому, Мацкевич писал, что и сам армянский епископ Криштофович «пока не содержит приход латинский в Немирове» и является членом капитула кафедрального католического собора в Каменце. Вместе с тем Мацкевич прямо указал главную причину своего беспокойства: «Опасаясь, чтобы оным армянским епископом Криштофовичем не было подвергнуто фундашей латинских в пользу обряда армянского», он просил защиты министра, чтобы его каменецкая католическая епархия «не имела какого-либо ущерба»²³.

Мацкевич явно стремился приуменьшить количество прихожан и духовенства армяно-католического исповедания, хотя оно и само по себе было небольшим. Но ведь епископство предусматривалось создать не в границах одной лишь Подолии, оно должно было охватывать всех армяно-католиков страны. Несмотря на явно предубежденную позицию католического епископа, его записка свидетельствует об усилении тенденции полонизации армян на Подолье. Ее основой стало окатоличение армян в Речи Посполитой в связи с насильственным насаждением унии в XVII в. К концу XVIII—началу XIX вв. ополячение армян на Правобережной Украине стало более заметным,—к этому времени проявились результаты его действия в прежнее время, в условиях Речи Посполитой. Некоторые армянские общины в это время значительно уменьшаются численно. «В Жванце,—отмечал епископ Мацкевич,—почти нет прихожан и требы исполняет латинский священник»²⁴. Видимо, именно в эти годы армянская община в Жванце прекращает свое существование, однако некоторые следы ее жизни и традиций сохранились до конца XIX века²⁵. Хотя армянское население Правобережной Украины упорно сопротивлялось полонизации, часть его все реже употребляла родной язык: сказывалось отсутствие светских школ или хотя бы семинарии, где преподавание велось бы на армянском языке. В начале же XIX в. часть армянского духовенства на Подолье служила в католических костелах. «Иосиф Сеферович при Пиковском костеле, не умея языка армянского, по просьбе самого Криштофовича управляет латинскими приходами»,—писал Мацкевич. «Настоятель Шаргородского костела Деодат Торосевич происходил из семьи, принявшей католичество, и хотя был в обряде армянском, рукоположен в латинском обряде»²⁶. Конечно, католический епископ пытался представить все изложенные факты прежде всего в нужном

²³ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 152, д. 50, л. 55—57.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: В. Р. Григорян. Указ. соч., с. 144.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 152, д. 50, л. 55—57.

для себя свете, однако тенденция к распаду армянских общин на Подолье в первые десятилетия XIX в. становилась все более заметной²⁷.

По мнению епископа Мацкевича, «вместо восстановления армянского епископства полезнее восстановить тот порядок, который существовал до назначения епископа Криштофовича»²⁸. Этот прежний порядок вещей вполне устраивал католическое духовенство, так как он расширял сферу влияния католицизма в целом и надежнее обеспечивал миссионерскую деятельность среди армяно-католиков. Тем не менее, несмотря на противодействие со стороны католического епископата, армяно-католическое епископство продолжало существовать.

В. Р. Григорян пишет о том, что это епископство не было богатым. Действительно, по сравнению с размерами населенных имений и капиталов католического и греко-униатского духовенства соответствующие цифры для армяно-католического клира были небольшими. Все же некоторые сведения, приведенные В. Р. Григоряном, требуют уточнения. Во-первых, на хуторе Криштоповка жило не 18 крестьян, а 18 ревизских душ (см. таблицу). Упомянутый исследователь пишет, что, кроме этого имения, других поместий у армяно-католического епископства не было²⁹. Относительно самого епископа это, пожалуй, правильно, но у армянского духовенства этой епархии были и другие имения. Как будет показано ниже, в конце XVIII—первых десятилетиях XIX вв. населенные имения были в распоряжении Рашковской и Балтской армяно-католических церквей (на юго-востоке Подолия), а также Луцкой армяно-католической церкви (на Волыни). Существенно в этой связи то, что армяно-католическое духовенство, как корпоративный владелец имений с крепостными крестьянами, включалось в состав господствующего класса не только опосредованно, выполняя духовно-культурные функции, но и непосредственно, как феодальный собственник.

И. Криштофович (1762—1816) шесть лет возглавлял армяно-католическую епархию в России. Как отмечает В. Р. Григорян, Криштофович «намечил широкие планы по улучшению состояния епархии, но смерть помешала их осуществлению». При нем было доведено до конца строительство здания могилевского епископства. Епископ хорошо владел армянским языком, вел активную переписку с соотечественниками в разных частях России³⁰. После смерти И. Криштофовича возник вопрос о назначении нового епископа. В. Р. Григорян пишет о непрерывной линии замещения администраторов армяно-католического епископства, которое после Криштофовича возглавили «управляющие, именуемые главными преемниками». Первым из них был Антон Вартересович, бывший администратором епархии с 1816 по 1822 г., его сменил Самуэль Мошоро (1822—1854), после которого еще год армяно-католической епархией управлял Рафаэль Узунян, а затем, «согласно договору между Российским государством и римским папой, армяно-католические церкви Подолии перешли под непосредственную власть польского епископа Каменца»³¹. По данным, имеющимся в нашем распоряжении, дальнейшая судьба армяно-католического епископства в Могилеве выглядит несколько иначе.

²⁷ Об этих же процессах пишет и В. Р. Григорян. К примеру, в 1820 г. в Могилеве насчитывалось 60 армянских семей, а к концу века их было всего 25: В. Р. Григорян. Указ соч., с. 171—173, 256 и др.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 152, д. 50, л. 2.

²⁹ В. Р. Григорян. Указ. соч., с. 170.

³⁰ Там же, с. 170—171.

³¹ Там же, с. 171.

Таблица

Некоторые данные об армяно-католическом духовенстве в России в 1819 г.*

№ п/п	Местоположение армяно-католической церкви	Колич. прихожан обоего пола	Число священников	Число церковнослужителей	Крепостных в имении	Капиталы (руб. сер.)	Доходы (руб. сер.)	Казенные подати (руб. сер.)	Примечание		
1	Могилев-Подольский	301	1	3	18	2250	798,86	103,86			
2	Каменец	323	2	4	—	12297	882,95	—			
3	Балта	6	1	2	19	1755	243,75	103,86			
4	Рашков	4	1	2	63**	1650	224,50	363,51			
5	Жванец	6	—	—	—	45	—	—			
6	Луцк	20	1	2	—	—	—	—			
7	Астрахань	306	—	—	—	—	—	—	Требы исполнял католический священник		
8	Моздок	148	—	—	—	—	—	—			
9	Карасубазар	564	3	3	—	—	—	—			
	Симферополь, Феодосия	60	—	—	—	—	—	—	Парафия Карасубазарская		
10	Одесса	48	} армян-католиков вместе с верующими других исповеданий			—	—	—	Требы исполняли иезуиты		
11	Херсон	46				—	—	—	—	—	
12	Николаев	38				—	—	—	—	—	
13	Тифлис	100	—	—	—	—	—	—	Требы исполняли миссионеры		
14	Екатеринослав	64	—	—	—	—	—	—	Требы исполнял католический священник		
	Итого	2034	9	16	100	17997	2150,06	571,23			

* ЦГИА СССР, ф. 822, оп. 11, д. 698, л. 31 об.—32.

** По данным 1843 г. (там же. ф. 384, оп. 3, д. 681, л. 20—21).

В мае 1816 г. А. Вартерисович в донесении католическому митрополиту Сестренцевичу (как председательствовавшему в Римско-католической духовной коллегии) сообщал, что армяно-католическое духовенство избрало его администратором Могилевской кафедры. Вместе с тем он просил ходатайствовать перед царем о разрешении на каноническое рукоположение духовного лица, присланного от львовского армяно-католического архиепископа, «чтобы не допустить упразднения этой кафедры»³². Однако в Петербурге не спешили с назначением на епископскую кафедру лиц, присланных из-за рубежа. По некоторым архивным данным, которые, впрочем, не подтверждаются дальнейшими событиями, после смерти Вартерисовича армяно-католическая кафедра в России была вовсе упразднена³³. Возможно, вопрос об упразднении ставился в связи с уменьшением количества армян-католиков на Подолье и в самом Могилеве как центре епископства. Однако поползновения католических миссионеров, занимавших часть армяно-католических приходов в стране, вызвали энергичный протест армяно-григорианского католикоса³⁴.

После изгнания иезуитов из России (1822 г.) оказались вакантными те армяно-католические приходы, в которых они служили в качестве приходских священников. Римско-католическая коллегия распорядилась о присылке к одному из таких приходов, Моздокскому, монаха капудинского ордена. Необходимость рукоположения клириков для армяно-католических приходов ставила вопрос о назначении епископа этого обряда³⁵. После продолжительных разногласий среди армяно-католического духовенства к должности администратора епархии был представлен С. Мошоро³⁶. По его рапорту от 18 сентября 1825 г. об открытии армяно-католической консистории главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий предложил Римско-католической коллегии рассмотреть вопрос об открытии епископской кафедры этого обряда и о составе консистории. Коллегия приняла решение об открытии отдельного армяно-католического епископства, обосновывая свое решение различиями в обрядах и языке между католиками и армяно-католиками, а также тем, что возобновление его может «привлечь армян этого исповедания из Персии и Турции». Однако вскоре Коллегия представила решение противоположного содержания: о нецелесообразности открытия отдельного армяно-католического епископства³⁷.

Необходимость замещения вакантного Моздокского, а также других армяно-католических приходов снова поднимала в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий и в Римско-католической духовной коллегии дело об армяно-католическом епископе³⁸. Поэтому, несмотря на возражения каменецкого католического епископа Мацкевича, решением от 7 декабря 1827 г. Коллегия «признала необходимость существования на прежнем основании армяно-католического епископства с кафедрой в Могилеве». Выбор кандидата на этот сан представлялось сделать митрополиту Цецишевскому. В качестве наиболее

32 ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 144, д. 280, письмо № 10.

33 Там же, оп. 125, д. 1, л. 128; д. 513, л. 111.

34 Там же, д. 1, л. 128.

35 Там же, оп. 152, д. 50, л. 3, 18 об.

36 Там же, л. 9.

37 Там же, л. 10—12.

38 Там же, л. 22.

вероятных кандидатур выдвигались в то время армяно-католические священники на Подолье—Мошоро и Сеферович. Вопрос об открытии армяно-католической семинарии был отложен из-за недостатка средств³⁹.

В апреле 1836 г. министр внутренних дел Д. Блудов сделал доклад непосредственно Николаю I по вопросу об армяно-католическом епископстве. Значительное внимание в нем было уделено письму армянского патриарха Иоаннеса, сообщавшего о происках католической пропаганды против армян не только в России, но и в Турции и Персии и просившего содействия правительства в ограждении армянской паствы от римских миссионеров. Блудов считал необходимым восстановить армяно-католическое епископство на основании указа 7 ноября 1810 г., перенеся при этом кафедру в Тифлис, где проживало большинство верующих этого обряда. По докладу министра во всем Закавказье насчитывалось в то время 25 армяно-католических приходов, 5876 прихожан, 4 приходских училища; в Таврической губернии—1620 прихожан; в Кавказской—2003; на Подолье и Волыни—566. Примечательным для Д. Блудова было то, что приходами в Новороссийской и Астраханской губерниях управляли католические ксендзы⁴⁰. 22 апреля 1836 г. доклад был утвержден царем и, по-видимому, вынесен на обсуждение Комитета министров.

Комитет министров рассмотрел представление министра внутренних дел в апреле 1839 г. Достаточно показательным является само название этого документа—«О введении нового порядка управления церквями армян-католиков и об устранении всякого влияния в Закавказском крае римской пропаганды». В нем продолжено стремление ограничить влияние католической церкви на армян-католиков. С этой целью предполагалось назначить управлявшего армяно-католическими церквями в Подольской губернии каноника С. Мошоро епископом «восстанавливаемой армяно-католической епархии», однако саму кафедру учредить в Тифлисе. Находившийся в Тифлисе армяно-католический архимандрит Шагулов по документу назначался суффраганом. Католическому митрополиту предлагалось «снестись по прежним примерам» со львовским армяно-католическим архиепископом о посвящении Мошоро, а впоследствии Шагулова. Положительно решался вопрос об открытии армяно-католической семинарии в Тифлисе. Предположения, одобренные Комитетом министров, были утверждены императором 5 мая того же года⁴¹.

Однако переговоры с римским двором по поводу утверждения С. Мошоро армяно-католическим епископом, начатые на основании указанных решений, затянулись ввиду возражений папской канцелярии, стремившейся теснее связать армян-католиков с римско-католическим епископатом в России. Русская миссия в Риме вплоть до 1845 г. настаивала на открытии армяно-католического епископства⁴². Противодейст-

³⁹ Там же, л. 3, 18 об.

⁴⁰ Там же, оп. 11, д. 11, л. 38—44. Блудов отметил, что, «хотя епископ Криштофович и администратор Вартерисович и считали в своем ведомстве 17 церквей, но управляли только шестью или семью церквями... а в остальных распоряжались миссионеры и иезуиты». По его сведениям, «с того времени все армяно-католические церкви управлялись непосредственно римско-католической коллегией» (там же).

⁴¹ Там же, оп. 11, д. 14, л. 35—36. Епископу назначалось содержание в 3000 руб. серебром, а суффрагану—1000 (там же).

⁴² Там же, оп. 125, д. 513, л. 111.

вие папской курии стало одной из причин переориентации русского правительства в данном вопросе, тем более что в 30-е годы XIX века в Министерстве внутренних дел, в ведении которого находились все «иностранные исповедания» (в том числе армяно-католическое), постепенно начал преобладать тот взгляд, что «армяне-католики в отношении к армяно-григорианской церкви суть почти то же, что были униаты в отношении к церкви православной, т. е. привлеченные к церкви римской латинским прозелитизмом»⁴³. Поэтому со временем было признано необходимым «содействовать армяно-григорианской церкви к сближению отторгнутых от нее армян-католиков и вместе с тем противодействовать католической пропаганде»⁴⁴.

В сложившейся обстановке русское правительство решило, что восстановление армяно-католического епископата означало бы усиление католического исповедания, что могло бы «повлечь за собой совращение паствы верховного патриарха—католикоса армян»⁴⁵. В связи с этим рядом предписаний в адрес Кавказского наместника и отношениями к Эчмиадзинскому католикосу, которые последовали в 40—50-е годы, главе армяно-григорианской церкви предоставлялось право «в виде изъятия из общего порядка самому разрешать добровольное возвращение армян-католиков к... армяно-григорианскому исповеданию»⁴⁶. Так как конфликты между латинскими ксендзами, назначенными к армяно-католическим приходам, и верующими армянами-католиками продолжались, русское правительство удалило в 1844 г. католических миссионеров с Кавказа. Для армян-католиков этого региона был назначен особый управляющий,—уже упоминавшийся Шагулов. С образованием же в 1847 г. по соглашению с римским двором Тираспольского католического епископата армяно-католическое духовенство в пределах этой епархии «вместе со своим управляющим» было подчинено власти этой новой католической кафедры⁴⁷.

3 августа 1848 г. царское правительство подписало договор с римским папой по ряду спорных вопросов, в том числе о новом разграничении епископств католического исповедания в России. По этому договору армяне-католики были отданы духовной власти каменецкого и херсонского католических епископов в пределах их епархий⁴⁸. В сущности, этим актом и было прекращено существование армяно-католического могилевского епископства, хотя духовенство этого обряда, по-видимому, сохраняло некоторое время определенную организационную автономию, в частности сохраняло в пределах каменецкой и херсонской епархий отдельных «управляющих», которыми были упомянутые В. Р. Григоряном С. Мошоро и Р. Узунян и отмеченный выше Шагулов. Договор

⁴³ Напомним, что в 1839 г. произошло воссоединение греко-униатов Белоруссии и Правобережной Украины с православной церковью, тщательно подготовленное и разрекламированное царизмом. Эта мера имела целью усиление позиций православия в ущерб католицизму и унии, а в связи с этим—и позиций царизма в западном регионе страны (см: Н. М. Никольский. История русской церкви. М.—Л., 1931, с. 163).

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 125, д. 513, л. 49 об.—50.

⁴⁵ Там же, д. 1, л. 128 об.

⁴⁶ Там же, д. 513, л. 50 об.—51.

⁴⁷ Там же, д. 1, л. 128 об.

⁴⁸ Херсонская католическая епархия (как и прежде Тираспольская) охватывала Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую, Саратовскую, Астраханскую губ., Бессарабию, Кавказский и Закавказский края (там же, д. 137, л. 1, 46).

предусматривал обучение армян-католиков в католических семинариях обеих епархий. При этом армяно-католический священник семинарии должен был следить за обучением клириков армянскому ритуалу и за его исполнением во время служб. Кроме того, предусматривалось участие армяно-григорианского католика в установлении обряда службы для духовенства армяно-католических церквей херсонской и каменецкой епархий⁴⁹. Тем не менее прямое подчинение армян-католиков духовной власти католических епископов способствовало их окатоличению и дальнейшей колонизации. Этот процесс совпал по времени с распадом армянских колоний на Правобережной Украине.

К началу XX в. количество армян на Подолье было уже совсем небольшим. Во всяком случае, на запрос Департамента духовных дел иностранных исповеданий о количестве армян-католиков в католических епархиях западных губерний луцко-житомирский католический епископ⁵⁰ в августе 1909 г. сообщил, что в этой епархии «не имеется особых священников и церквей армянского обряда». Далее епископ сообщал, что «для лиц армянского происхождения, проживающих в горах и местечках Подольской губернии, богослужение и духовные требы совершаются по латинскому обряду»⁵¹. Судя по данным других католических епископов, к тому времени в западных губерниях армяно-католики нигде, кроме Подолья, не проживали⁵².

Таким образом, первая половина XIX в. составляет особую страницу в истории армян на Правобережной Украине. Определенное место в ней занимает судьба армяно-католической епархии, центр которой находился на Подолье. Она была создана в то время, когда армянские общины в этом регионе переживали процесс распада, что стало главной преградой на пути ее стабилизации. Распад общин, в свою очередь, был связан как с миграцией армян, так и с активным проникновением в их среду католицизма, которое началось еще во времена Речи Посполитой и способствовало колонизации армянского населения. Сильное влияние на определение статуса армяно-католического епископства оказывали как состояние отношений с римской курией, так и ряд вопросов внутренней политики царизма (воссоединение униатов с православной церковью, общие политические меры в западных губерниях).

⁴⁹ Там же, д. 137, л. 59—63.

⁵⁰ После польского восстания 1863 г. каменецкое католическое епископство было упразднено, а духовенство Подолья этого обряда было подчинено луцко-житомирскому католическому епископу, который получил власть и над армяно-католическими приходами упраздненной епархии.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 125, д. 515, л. 151.

⁵² По сообщению епископа Тираспольского, на территории его епархии проживало довольно значительное количество армян-католиков: общее их число равнялось 41760 чел., количество церквей армяно-католического обряда равнялось 50, а священников — 58. Армяне-католики сосредоточивались в Ахалцихском, Ахалкалакском и Борчалинском уездах Тифлисской губ., Александропольском уезде Эриванской губ., а также в г. Симферополе и г. Карасубазаре Таврической губ. По соглашению с римским папой от 14 апреля 1903 г. для управления армяно-католическими приходами был учрежден армянский архимандрит, или «апостолический администратор» армян-католиков, с подчинением Тираспольскому католическому епископу (там же, л. 2, 145—152).

Характеристика роли армяно-католического духовенства в системе социально-классовых, национальных и конфессиональных отношений на Правобережной Украине будет неполной, если не коснуться его имущественного положения, его места в системе отношений собственности.

В первые десятилетия или даже столетия существования армянских поселений на Правобережной Украине армянский клир существовал главным образом на средства общин и поддерживаемых ими братств⁵³. Однако со времени вхождения армяно-католического духовенства в унию с католицизмом положение меняется. Правящие классы шляхетского государства стремятся привлечь верхушку армянского духовенства на сторону католицизма путем предоставления ему имущественных привилегий: армяно-католическое духовенство становится собственником имений с феодально-зависимым крестьянством. По мере распространения унии среди украинского населения на юго-востоке Правобережной Украины там распространилось и церковное униатское землевладение—греко-униатское и армяно-католическое. Интересы духовенства как феодального собственника еще теснее переплелись с интересами феодального, правящего класса в целом. Материальное обеспечение армяно-католического духовенства на Правобережной Украине в конце XVIII—первой половине XIX вв. имело различные источники: доходы за исполнение церковных треб, добровольные пожертвования, главную же их часть составляли традиционные для бывшей Речи Посполитой способы получения доходов—проценты от сумм, отданных в заем дворянству, и эксплуатация имений с крестьянами, которыми владели армяно-католические церкви.

Начнем с кафедральной церкви св. Григория, расположенной в Могилеве-Подольском, который был некоторое время центром армяно-католического епископства. В 1765 г. ей было сделано денежное пожертвование помещиками Цецерскими: сумма в 2250 руб., обеспеченная их имениями в Могилевском повете, из расчета 7 процентов давала доход в 157 руб. 50 коп. Кроме того, церковь получала с Немийского ключа того же повета годовые платежи (аннуаты) в размере 558 руб.⁵⁴ Наконец, во время управления епархией И. Криштофовича на его содержание как епископа отпускалось ежегодно 3000 рублей, и еще 1500 руб. на содержание капитула. Кроме того, епископ пользовался доходами с имения в с. Криштофовке, насчитывавшем в 1818 г. 18 ревизских душ. Пахотные и сенокосные угодья имения составляли 159 моргов, а лесные—5,5 морга. Имение приносило дохода 83 руб.⁵⁵

В имении Балтской армяно-католической церкви св. Станислава—слободе Александровке Балтского повета, на протяжении конца XVIII—первой трети XIX вв. возникали весьма сложные коллизии, в которых проявлялись общие для всех имений духовенства на Правобережной Украине социально-классовые отношения. Это имение было подарено армяно-католической церкви князем А. Любомирским в 1786 г. и насчитывало по шестой ревизии 52 крестьянских дыма со 140 душами. Земельные угодья составляли 475 дес. пахотной и сенокосной земли и 226 дес. леса. Однако после чумы, охватившей окрестности Балты в 1812—1813 гг., по данным уже седьмой ревизии в слободе Александровке насчитывалось лишь 19 душ крестьян. Князем Любомирским, кроме того,

⁵³ В. Р. Григорян. Указ. соч., с. 163, 203—221.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 822, оп. 11, д. 698, л. 1—2 об.

⁵⁵ Там же, л. 2 об.—3; оп. 12, д. 3753, л. 2 об.—3.

было определено для этого костела годовых платежей в размере 225 руб. серебром. На содержание викарного священника отпускались проценты от денежных сумм, обеспеченных имением графа А. Ржевусского (м. Погребнице Сквирского уезда Киевской губернии). Они равнялись 1755 руб. и при 5-процентном росте давали 88 руб. серебром годового дохода⁵⁶. Доходы с Александровки исчислялись в 294 руб. серебром, а так называемые «неверные», т. е. непостоянные,—свыше 200 руб. сер.⁵⁷

В 1796 г. Вознесенская казенная палата, рассматривая вопрос о покупке в казну населенных имений князя Любомирского (Побережские имения на юго-востоке Подолья), предположила отобрать также те имения, которые были подарены Любомирскими духовенству после конституции польского сейма 1768 г., запретившей такие дарения. По этому решению в казну должны были поступить с. Каetanовка, принадлежавшее Рашковской армяно-католической церкви, а также слободы Чечельницкая и Кравецкая, принадлежавшие Чечельницкому католическому костелу. Такое же решение было принято относительно Александровки, однако в то время она не была взята в казну⁵⁸ и оставалась в ведении армяно-католического духовенства до 1837 г.

На 1837 г. слобода Александровка была в распоряжении администратора могилевского армяно-католического епископства каноника С. Мошоро. В ней числилось уже 26 дворов и 60 душ крестьян⁵⁹. Согласно решению Государственного совета от 23 марта того же года было окончательно решено передать имение в казну. Подольская казенная палата приняла решение о его приеме с экономического термина 1837 г. (т. е. со времени, когда, как было принято на Правобережной Украине, начинался хозяйственный год и брались в аренду имения). Предписанием министра финансов от 18 ноября 1836 г. Александровку предусматривалось отдать в аренду с публичных торгов, а в случае неявки желающих следовало «учредить благонадежную администрацию»⁶⁰. Поскольку помещики Балтского уезда отказались взять слободу в аренду, торги были перенесены в Киев на время контрактов (ежегодная весенняя ярмарка), но и там желающих не оказалось. В мае 1838 г. Подольская казенная палата вынуждена была отдать имение в администрацию⁶¹. Как известно, арендная система и отдача имений в администрацию особенно неблагоприятно сказывались на положении крестьян.

Комиссия, созданная Подольской казенной палатой в ходе приема имения, в своих документах отразила положение крестьян. Ее выводы объясняют, почему среди дворян не нашлось желающих взять имение в аренду. Бросается в глаза весьма большое сравнительно с его размерами число крестьян-беглецов—19 душ, т. е. почти третья часть. Крестьяне нередко уходили целыми семьями (главным образом в Бессарабию). В 1836 г. таких семей насчитывалось семь⁶². Оставшиеся крестьяне бы-

⁵⁶ Там же, оп. 11, д. 698, л. 14 об.—16.

⁵⁷ Там же, ф. 821, оп. 144, д. 299, л. 64.

⁵⁸ Причины непоступления в казенное ведомство нам установить не удалось. В документах Подольской казенной палаты за 1837 г. значится, что в 1796 г. «слобода Александровка за отсутствием Балтского (тогда Юзефгородского) священника в казну не поступила» (там же, ф. 384, оп. 1, д. 580, л. 38).

⁵⁹ Там же, ф. 384, оп. 1, д. 580, л. 38—38 об., 49.

⁶⁰ Там же, л. 1—3 об., 8—9, 49.

⁶¹ Там же, л. 49—51.

⁶² Там же, л. 3 об.

ли обременены повинностями, а возможности их хозяйств были подорваны во время управления имением духовенством. Из всего крестьянского скота едва можно было составить один плуг (4 пары волов) для обработки экономических полей: крестьяне почти все были бестяглыми.

Положение крестьян мало изменилось после перехода имения в казенное управление, поскольку оно было отдано в руки администраторов-шляхтичей. В частности, во время управления Александровкой помещиком Рожаловским крестьяне были понуждаемы к работе и на полях подуховного села, и в имении самого администратора—в соседнем селе Мирошах. В то же время крестьяне были вынуждены обрабатывать свои поля вместе с чиншевой шляхтой, отдавая за предоставление им тяглого скота значительную долю урожая. Часть же крестьянских полей не засеивалась. «Крестьяне состоят в бедном положении»,—таков был вывод казенной палаты. Во всех крестьянских дворах насчитывалось всего 3 волов и 3 лошади⁶³.

Заметим, что большинство крестьян-зегленов, о которых шла речь выше, оставили Александровку еще в 1833—1835 гг., т. е. после смерти распорядившегося имением Сеферовича (1833 г.) и перехода его в распоряжение С. Мошоро. Бегство было следствием разорения крестьян во время управления имением духовенством. В деле об освидетельствовании Александровки приведены факты, прямо подтверждающие это. С 1811 по 1836 г. от притеснений экономов «бежали неизвестно куда» 16 человек, в том числе 5 семей: «от притеснения в работе неумеренной и от телесного наказания»—3 человека (1 семья); «от несколькократного телесного наказания»—5 человек (1 семья); «от истязания»—5 человек (2 семьи); «от принуждения к службе в экономическом дворе»—3 человека (1 семья)⁶⁴.

Несмотря на то, что в имении было достаточное количество леса, лишь некоторые крестьяне смогли получить на зиму по повозке хвороста для отопления и ремонта построек. Большинство же построек в крестьянских усадьбах требовали починки, ветхими были и крестьянские дома. Казенная палата установила, что лес, принадлежавший экономии, в значительной части был вырублен во время духовного управления имением. В связи с разорением имения, порубкой лесов и бегством крестьян за время управления духовенством Александровкой было принято решение наложить запрет на денежные суммы настоятеля церкви и самой церкви⁶⁵.

Наследенное имение было и у духовенства Рашковской армяно-католической приходской церкви св. Каетана Балтского уезда. Этот земский фундуш составляли слобода Ксендзовка и с. Каетановка. Последнее приносило дохода до 415 руб. серебром. Оно входило в состав так называемых Побережских имений князя Любомирского на юго-восточном Подолье. Однако после продажи этих имений в казну в 1796 г. населенное имение Рашковского армяно-католического костела также перешло в казенную собственность. Кроме того, духовенство перестало получать и доходы с аренд в м. Рашкове, предоставленные Любомирским армяно-католическому духовенству вместе с Каетановкой. Вопрос о передаче имения в казну оставался без окончательного решения вплоть до 20-х годов XIX в., хотя имение давно уже было в казенном управлении. Ко времени секуляризации населенных имений приходского духовенства в

⁶³ Там же, л. 54 об.—59 об.

⁶⁴ Там же, л. 32 об.—33.

⁶⁵ Там же.

1843 г. в руках клира Рашковской церкви оставалась Ксендзовка, переданная в том же году в казенное управление⁶⁶. Рашковская церковь имела, кроме того, по записям 1763—1800 гг. капитальные суммы в размере 1650 руб. серебром. Они, будучи обеспечены уже упоминавшимися имениями Ржевусского, приносили годового дохода по процентам 83 руб. серебром⁶⁷.

К Могилевской армяно-католической епархии относилась также приходская армяно-католическая церковь св. Григория в Луцке. По привилегии польского короля Сигизмунда в 1554 г. для нее был учрежден земский фонд, а именно пожаловано населенное имение с. Цеперов, приносящее в конце XVIII в. доход в 610 руб. серебром⁶⁸ и насчитывавшее 91 ревизскую душу. После присоединения Волыни к России это имение было секвестровано в казну. В апреле 1796 г. оно было пожаловано графу Эстергази. Несмотря на то, что впоследствии, в 1804 г. Сенат предложил Волынской казенной палате рассмотреть вопрос о компенсации армяно-католическому духовенству (ее размер предположительно определялся суммой в 13126 руб. серебром), на 1814 г. дело оставалось нерешенным⁶⁹. У Луцкого костела был еще один распространенный на Правобережной Украине источник дохода, которым пользовалось духовенство,—ему принадлежала так называемая юридика в городе. «Вольные люди», жившие в ней, уплачивали за аренду земли чинш в размере 31 руб. 20 коп. серебром⁷⁰.

В ходе секуляризации церковной феодальной собственности в западных губерниях Российской империи в казну поступили и населенные имения армяно-католического духовенства на Правобережной Украине. По указу от 25 декабря 1841 г., коснувшемуся имений высшего духовенства и монастырей⁷¹, в управление Подольской палаты государственных имуществ поступило имение Могилевского кафедрального армяно-католического костела с. Криштофовка, как епископский фонд⁷². По указу от 10 мая 1843 г. в казну были переданы имения, оставшиеся в ведении приходского духовенства⁷³, и в их числе слобода Ксендзовка, принадлежавшая Рашковской армяно-католической церкви.

Таким образом, социально-экономические позиции армяно-католи-

⁶⁶ Там же, оп. 3, д. 214, л. 21. Имение насчитывало 63 души. Пахотные земли составляли около 50 десятин. Инвентарный доход его равнялся 142 руб. серебром (там же, д. 681, л. 10).

⁶⁷ Там же, ф. 822, оп. 11, д. 698, л. 20—21.

⁶⁸ Там же, л. 23 об.

⁶⁹ П. Жукович. Западная Россия в царствование императора Павла.—Журнал Министерства народного просвещения. 1916, август, с. 216. После присоединения в 1795 г. Западной Волыни к России на имя генерал-губернатора Т. Тутолмина поступил императорский указ о принятии в казенное ведомство имений «заграничного духовенства», расположенных на этой территории. Сюда входили также лица, которые не прибыли из-за границы ко времени принесения присяги российской короне. Владевший Цеперовом армяно-католический офицер Шимонович находился к тому времени во Львове, что и стало причиной секвестра (ЦГИА СССР, ф. 822, оп. 11, д. 698, л. 23 об.).

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 822, оп. 11, д. 698, л. 23 об.—24.

⁷¹ ПСЗ-II, т. XIV, № 15153.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 384, оп. 2, д. 1126, л. 29 об.—30.

⁷³ ПСЗ-II, т. XVIII, отд. 1, № 16829.

ческого духовенства на Правобережной Украине в своих главных чертах сформировались в условиях шляхетской Польши. Правящие круги Речи Посполитой стремились теснее привязать к унии верхушку армяно-католического духовенства, предоставив ей владельческие привилегии, которыми располагало духовенство католического и греко-униатского обрядов. Даже в тех небольших имениях, которыми владел армяно-католический клир, нашли отражение общие черты классовых отношений, свойственные в целом церковному феодальному землевладению Правобережной Украины. Судьба церковного землевладения армяно-католического духовенства в этом регионе Российской империи первой половины XIX в. определялась общим направлением политики царизма в этом вопросе.

**ԱԶԱՓՆՅԱ ՈՒԿՐԱԻՆԱՅԻ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂԹՕՋԱԽՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋԸ**

Ա. Լ. ԶԻՆՉԵՆԿՈ (Վիեննիցա)

(Ա Մ Փ Ն Փ Ո Ւ Մ)

Աշափնյա Ուկրաինայի տարածքում ապրող հայերը XVII դարում բռնի միացվեցին կաթոլիկ եկեղեցուն։ Ունչ Պոսպոլիտայի կառավարող շրջանները ջանում էին այդ միությունն օգտագործել որպես հայերի կաթոլիկացման և լեհացման միջոց։ Այդ նպատակով հայ կաթոլիկ բարձրաստիճան հոգևորականությունը բնակեցված կալվածքների նկատմամբ սեփականատիրական իրավունքներ տրվեցին։ Ռուսաստանի հետ Աշափնյա Ուկրաինայի վերամիավորումից հետո, XVIII դարի վերջերից սկսած հոգևորականության (այդ թվում և հայ կաթոլիկական) ֆեոդալական սեփականությունը նախ սահմանափակվում է, իսկ 1843 թ. լիովին վերացվում հագուտ պետական գանձարանի։ Կաթոլիկ հայերի վրա կաթոլիկական եկեղեցու ազդեցությունը թուլացնելու նպատակով ռուսական կառավարությունը որոշում է անջատ հայ կաթոլիկական եպիսկոպոսություն ստեղծել։ Հայ կաթոլիկական թեմը (կենտրոնը Դնեստրի Մոգիլյովն էր) գոյություն ունեցավ 1806 թ. մինչև 1848 թ.։ Ունիթոռականների հանդեպ կառավարության քաղաքականության փոփոխությունը համընկավ Աշափնյա Ուկրաինայի հայկական զաղութների քայքայման պրոցեսի ակտիվացման հետ։ Հայ կաթոլիկական ծխերի ղեկավարումը հանձնվեց կաթոլիկական եպիսկոպոսությանը։